

Чжоу Цинцин как раз была в середине ужина, когда за воротами послышался стук копыт. Следом раздалось звонкое: «Сестра!» и она сразу поняла: Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань вернулись. Она поспешно отложила чашку с палочками и вышла открыть ворота. Ещё издали увидела: впереди Сюй Гуань ведёт лошадь под уздцы, а Чжоу Сяолэ сидит на повозке и машет ей рукой.

Если посчитать, прошло всего три дня, но Чжоу Сяолэ с детства до взросления ни разу не покидал деревню, не говоря уже о том, чтобы выехать из городка и добраться до префектурного города. Три дня не виделись, а ей всё казалось, что эти двое младших братьев заметно осунулись.

С первого взгляда Чжоу Цинцин заметила лёгкую тень под их глазами и обеспокоенно спросила:

— Вы очень устали? Почему у вас, кажется, даже круги под глазами появились?

Чжоу Сяолэ подумал: всю ночь не спать, а потом ещё десять часов трястись в повозке - как тут не устать? Ещё по дороге назад он уже пожалел: почему не остались ещё на день, не отдохнули как следует и только потом не поехали обратно? Но ночевать снаружи всё равно было не так спокойно, как дома. Стоило делам завершиться, как сердце сразу нестерпимо потянуло домой.

— Ничего страшного, сестра, не волнуйся. Просто в дороге немного растрясло. Вернёмся вечером, поспим, и всё будет хорошо.

Чжоу Сяолэ помог Сюй Гуаню разгрузить вещи с повозки. Перед возвращением из префектурного города они ещё по пути купили кое-что съестное и полезное. Подарки были не только для Чжоу Цинцин: для Чжоу Чуся и трёх наёмных работников тоже нашлось, поэтому вещей набралось немало.

— Сестра, ты сначала забери жареную курицу домой, не стой у ворот на ветру. Вечером прохладно, вернёшься - накинь ещё одежду. Мы с Сюй Гуанем сперва развезём вещи, а то боюсь, потом станет совсем поздно.

— Сяолэ, не беспокойся, сестра вернётся и сразу наденет. Вы тоже будьте осторожнее, не задерживайтесь слишком поздно.

— Хорошо, сестра, возвращайся.

Развоз подарков занял немало времени, и последним они добрались до дома Цинь Сань-нян. Когда они пришли, было уже довольно поздно. Цинь Сань-нян как раз собирала посуду, чтобы пойти мыть, и, едва выйдя из комнаты, увидела Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаня у ворот двора.

Цинь Сань-нян с радостным удивлением сказала:

— Разве вы не говорили, что вернётесь через пять дней? Почему уже сегодня вернулись? Отец его, Ся-гэр, выходите скорее, посмотрите, кто вернулся!

Крикнув в дом, Цинь Сань-нян снова обратилась к Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаню:

— Заходите, посидите. Я только чашки поставлю.

— Тётушка Сань-нян, занимайтесь своими делами, — только сказал Чжоу Сяолэ, как увидел, что Чжоу Чуся выбежал из комнаты. Его абрикосовые глаза широко раскрылись, рот расплылся в счастливой улыбке; в несколько шагов он подбежал, обнял Чжоу Сяолэ и принялся раскачивать его из стороны в сторону.

Чжоу Чуся громко воскликнул:

— У-у-у, Лэ-гэр, ты наконец-то вернулся! Я так по тебе соскучился!

— Подожди, подожди, ты уж слишком преувеличиваешь. Мы всего-то три дня не виделись...

— Ого, три дня! Ты не знаешь, как лоток был загружен эти три дня. С ума сойти, просто с ума сойти...

— Ладно-ладно, — Чжоу Сяолэ не знал, смеяться ему или плакать. — Знаю, наш Ся-гэр выбился из сил. Поэтому посмотри-ка, что это?

Проследив за взглядом Чжоу Сяолэ, Чжоу Чуся посмотрел на вещи в руках Сюй Гуаня, и это оказалась его самая любимая жареная курица! Да ещё две!

Чжоу Чуся тут же обрадовался так, что едва не потерял голову от счастья.

— Лэ-гэр, ты такой хороший... — Чжоу Чуся прижал жареную курицу к себе и глубоко вдохнул. Аромат был просто невыносимо соблазнительный. Почему живот, который только что поужинал, вдруг снова почувствовал голод?

Цинь Сань-нян поставила чашки, вышла, сняла висевшее у двери полотенце, вытерла руки и спросила:

— Что вы всё у входа стоите? Скорее заходите.

Сюй Гуань передал вещи только что вышедшему Чжоу Гую и сказал:

— Дядя Гуй, тётушка Сань-нян, мы, пожалуй, заходить уже не будем. Сестра ждёт нас дома к

ужину, боюсь, если задержимся, станет совсем поздно.

Чжоу Гуй сказал:

— И зачем вы столько всего принесли?

То, как Чжоу Чуся обнимал жареную курицу, было уж слишком мило. Чжоу Сяолэ подавил желание ущипнуть его за щёку и вместо этого обнял за плечи, а Чжоу Гую сказал:

— По дороге назад увидели, вот и купили. В основном это вкусные сладости из префектурного города, вы попробуйте. Там есть один пирог с зелеными бобами, очень неплохой.

— Сладости? — Чжоу Чуся тут же снова оживился.

— Вот ведь ребёнок, — Цинь Сань-нян вздохнула. — Вы ездили по важному делу, зачем ещё отвлекались и покупали такое? Слишком дорого. Деньги ведь нелегко зарабатываются...

Цинь Сань-нян, конечно, знала, что они заработали на чанфэне деньги, но к бедности она привыкла, и когда в руках появлялась прибыль, первой мыслью всё равно было отложить её. Копить понемногу - именно так деревенские люди собирали достаток.

— Редко же нам выпадает съездить туда, не каждый день такое едим. Тётушка Сань-нян, не тревожьтесь. Тем более покупать что-то для вас с дядей Гуем мне самому радостно!

Чжоу Сяолэ добавил:

— К тому же тётушка Сань-нян ведь не может хорошо относиться к нам, а нам не позволять хорошо относиться к тётушке Сань-нян и дяде Гую. Это было бы несправедливо.

— Хорошо-хорошо, тебя не переспоришь, — Цинь Сань-нян легонько ткнула Чжоу Сяолэ пальцем в лоб. После того как Чжоу Сяолэ очнулся, он всегда говорил складно и разумно, и Цинь Сань-нян уже не могла его переспорить.

К тому же это было сердечное внимание детей. Только потому, что они думали о них, они из такой дали, из самого префектурного города, привезли им вкусности. Если снова отказываться, ещё и ранишь детские сердца; лучше уж спокойно принять.

Перед уходом Чжоу Сяолэ всё-таки не удержался: ущипнул Чжоу Чуся за щёчку, а ущипнув, схватил Сюй Гуаня и побежал наружу, чем так разозлил Чжоу Чуся, что тот чуть не бросился его бить.

Чжоу Чуся был занят все эти дни. Телесная усталость ещё куда ни шло, но изматывающее напряжение в душе было самым неприятным. Поэтому, едва Чжоу Сяолэ увидел его, сразу понял: все эти несколько дней Чжоу Чуся ни разу по-настоящему не расслаблялся. Возможно, потому, что он впервые сам вёл дело, впервые всё должен был решать сам. Прежде дома его берегли слишком хорошо; нрав у него был простой и наивный, подобным он никогда не занимался, и потому, как ни крути, не мог не тревожиться. Чжоу Сяолэ переживал, что он будет слишком нервничать, потому и захотел немного его подразнить.

Когда они вышли от Чжоу Чуся, улыбка на лице Чжоу Сяолэ так и не исчезала. Сюй Гуань спросил:

— Так рад?

— Ага, — Чжоу Сяолэ с силой кивнул. — Три дня вроде звучит недолго, но когда возвращаешься и видишь близких людей, всё равно очень радуешься.

— И правда, — Сюй Гуань был с этим совершенно согласен. — Особенно когда в префектурном городе рядом не было щёк Ся-гэра, которые можно пощипать...

— М-м? — Чжоу Сяолэ повернул голову и посмотрел на Сюй Гуаня.

Выражение лица Сюй Гуаня оставалось спокойным; по нему было совсем не понять, что он думает. Чжоу Сяолэ испытующе спросил:

— Неужели ты ревнуешь? Ся-гэр ведь такой милый.

— Правда? — Сюй Гуань, казалось, очень этим озадачился. — Лэ-гэр любит милых людей?

— Конечно. Кто же не любит милых?

— ...Мм.

Чжоу Сяолэ стало смешно. Он поднял руку, потянул его за рукав и шутливо спросил:

— Что такое? Неужели ревнуешь?

— Да, — Сюй Гуань признался очень прямо.

Он признал это так спокойно и открыто, что Чжоу Сяолэ, который первым начал шутить, оказался совершенно не готов. Лишь когда до него дошло, что именно сказал Сюй Гуань, лицо его запоздало вспыхнуло румянцем.

Он пробормотал:

— Тогда... тогда, может, я и тебя ущипну?

— ...

Сказав это, Чжоу Сяолэ тут же захотел найти нору и залезть туда. Стоило голове разгорячиться, и он уже сам не понимал, что несёт. Он не осмелился смотреть, какое выражение у Сюй Гуаня, только опустил голову, замахал рукой и сказал:

— Я шучу...

— Только шутишь? — Сюй Гуань остановился. В его голосе будто мелькнуло немного разочарования. — А я ведь принял всерьёз...

— Нет... — прямота Сюй Гуаня застала Чжоу Сяолэ врасплох, и тело среагировало быстрее мысли.

Он протянул руку и легонько коснулся правой щеки Сюй Гуаня. Кожа была чуть прохладной, но на ощупь очень приятной, гладкой-гладкой. Почему у него такая хорошая кожа?

Словно поддавшись наваждению, он легонько ущипнул его и в душе только вздохнул: ну как Сюй Гуань, охотник и свиновод, умудрился сохранить такую нежную кожу? Это ведь совсем не укладывалось в здравый смысл.

Чжоу Сяолэ ущипнул его дважды подряд, а потом поднял глаза, встретился с ошеломлённым взглядом Сюй Гуаня и только тогда понял, что именно натворил. Ощущение прохладной кожи под пальцами вмиг стало обжигающе горячим.

Он резко спрятал руки за спину, быстро отвернулся, дважды сухо кашлянул и сказал:

— Кхм... м-м... пора... пора возвращаться. Се-сестра, наверное, уже давно ждёт...

Сказав это, он так и не осмелился снова посмотреть на Сюй Гуаня и большими шагами пошёл вперёд.

Он быстро шёл по маленькой дорожке, слышал, как мимо прорывается ветер; краем глаза видел, как колышутся ивовые ветви. Только пройдя немного, он вдруг понял: позади нет звука шагов. Обернувшись, он увидел, что Сюй Гуань всё ещё стоит на прежнем месте.

Небо к тому времени уже потемнело. Из соседнего дворика просачивалось немного жёлтого

света, ложась у ног Сюй Гуаня; тусклый огонёк не мог осветить человека, стоявшего во тьме. Сердце Чжоу Сяолэ сжалось. Он развернулся и мелкой рысью побежал назад; остановился лишь перед Сюй Гуанем, протянул руку и спросил:

— Домой?

Сюй Гуань поднял глаза. Его взгляд прошёл от протянутой ладони вверх и наконец остановился на чуть изогнутых улыбающихся глазах Чжоу Сяолэ. Он подумал: это была не только ревность. Больше всего в этом была зависть. Он завидовал тому, как Чжоу Сяолэ и его сестра заботятся друг о друге; завидовал тому, как Чжоу Сяолэ и Чжоу Чуся могут шумно дурачиться; завидовал взаимной теплоте между Чжоу Сяолэ и Цинь Сань-нян.

Прежний он завидовал нынешнему себе.

Ночная россыпь звёзд сияла над головой. Сюй Гуань вложил свою руку в его ладонь и крепко сжал.

— Домой.

□□*

После возвращения из города Циннань торговля чанфэнем стала заметно оживлённее прежнего. Появилось даже немало людей, которые специально приезжали из других мест, чтобы его попробовать. В ярмарочные дни восточная улица городка и без того всегда была шумной и многолюдной, но никто не ожидал, что дело дойдёт до длинных очередей. Многие, одетые в парчу и дорогие наряды, стояли под палящим солнцем лишь ради того, чтобы отведать чанфэнь, который так расхвалил сам правитель префектуры.

Хозяин соседнего чайного лотка каждый день улыбался во весь рот, будто весенний ветер гладил ему лицо. Чжоу Сяолэ не стал отменять «набор чай и фэнь» из-за того, что дела с чанфэнем пошли лучше, а, наоборот, добавил ещё несколько видов таких наборов. Ради этого он даже специально нанял ещё двух работников, чтобы те бегали и разносили чай.

Лоток с чанфэнем, как и прежде, работал только утром и в полдень, а после полудня сворачивался. Чжоу Сяолэ каждый день, в зависимости от потока людей, вовремя менял количество рисовой массы. К счастью, риса ещё оставалось немало. К тому же скоро снова подходило время жатвы; после уплаты положенного налога больше не нужно было отдавать часть Чжоу Дэжуну, и оставшегося риса должно было быть достаточно.

Теперь лоток постепенно входил в правильный порядок. Счётные книги нужно было вести ясно, все использованные продукты следовало записывать. В самом начале у кого что было, тот то и приносил. Но теперь дело разрасталось, и, судя по нынешнему положению, в будущем могло стать ещё больше. Поэтому записи в счётных книгах нужно было вести ещё тщательнее. Только когда счета прозрачны, совместное дело не развалится, а друзья не превратятся во

врагов.

Способности Чжоу Чуся к счёту намного превосходили ожидания Чжоу Сяолэ. Иероглифы он уже учил довольно быстро, а в счёте продвигался и вовсе стремительно. Порой ему даже не нужно было ничего записывать: стоило один раз прикинуть в уме, и он уже получал результат. Попади он в прежний мир, был бы самым настоящим технарём.

Сейчас все расчёты полностью отдали Чжоу Чуся. Когда Чжоу Чуся всё подсчитывал, Чжоу Сяолэ уже заносил итог в книгу. В доме Сюй Гуаня был кабинет. Каждый день после полудня, свернув лоток, они вдвоём забирались туда и первым делом приводили счета в порядок. Когда счета были закончены, Чжоу Чуся продолжал учиться у Чжоу Сяолэ узнавать иероглифы, а сам Чжоу Сяолэ обречённо подбирал стоявшую рядом корзинку с шитьём и вновь принимался учиться чинить одежду.

Но в этом деле у него, по правде сказать, таланта не было совсем. Столько времени прошло, а сшитая им одежда выдерживала от силы три стирки; стоило постирать ещё раз, и она расходилась.

Чжоу Сяолэ никак не мог понять: ведь шьют они вроде бы одинаково, так почему у Чжоу Чуся стежки получаются ровные, аккуратные, глаз радуют, да ещё такие прочные, что силой не разорвёшь, а у него сплошной хаос, на который смотреть больно, и ткань, которая расползается от лёгкого рывка?

Иногда он ещё умудрялся пришить верхний слой ткани к нижнему: рукой потом внутрь не пролезешь. И вот как раз в такие моменты сшитую им тряпку хоть насмерть тяни - не разорвёшь.

— В прошлой жизни боялся уколов, в этой - боюсь брать иголку... — Чжоу Сяолэ тяжело вздохнул. Потом взглянул на ровные, изящные иероглифы Чжоу Чуся и вздохнул ещё раз: — А-а... нервы сдают...

<http://bllate.org/book/17639/1886772>